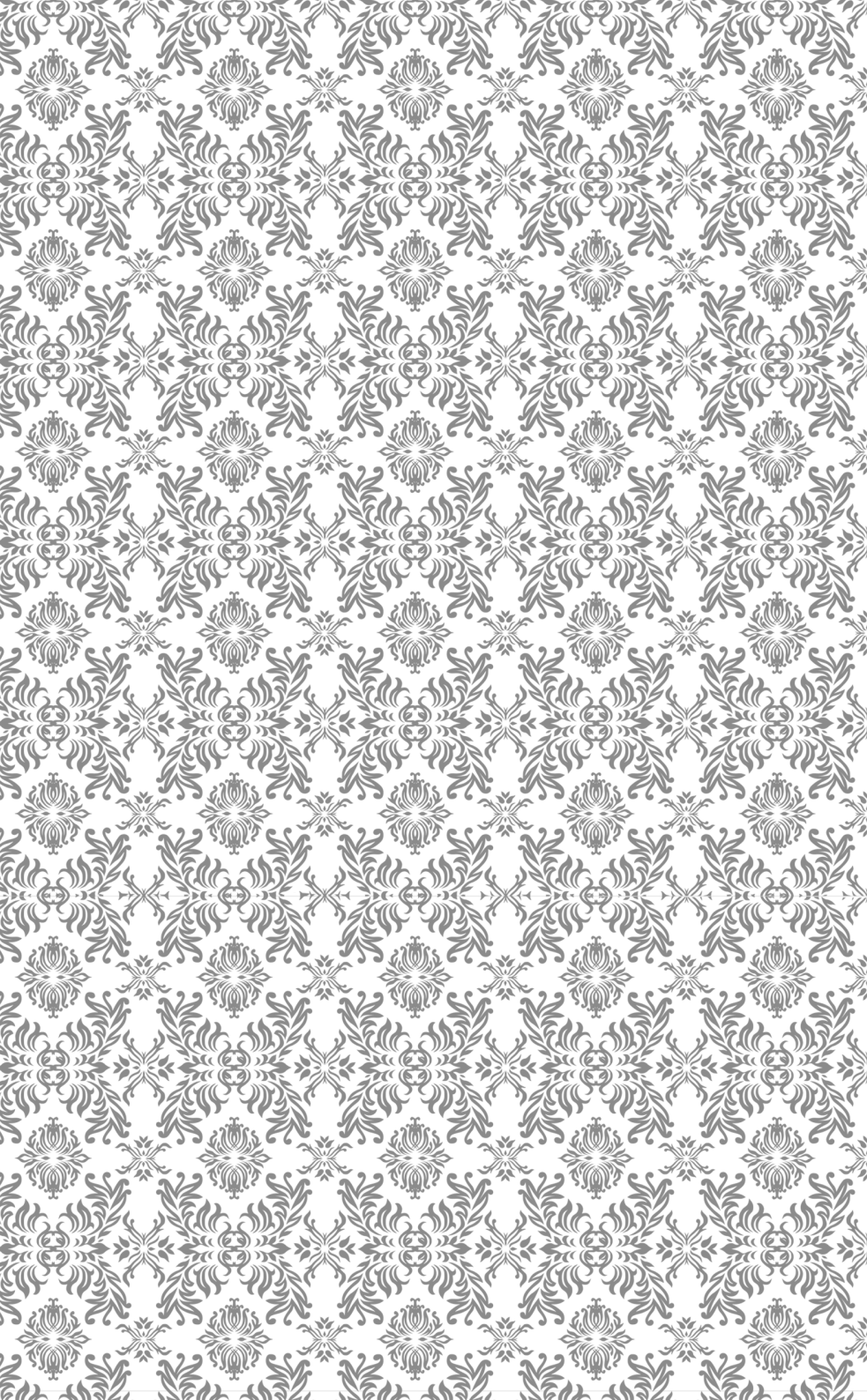

*Маме и папе, благодаря которым
все становится возможным.
Эду, вместе с которым у нас есть все,
к чему можно стремиться.*

Глава первая

Это история о том, как я стала своей сестрой.

Я хорошо запомнила, что то письмо пришло первого сентября, как раз на следующие сутки после нашего с сестрой тринадцатого дня рождения. Моего тринадцатого дня рождения. Первого дня рождения, который я не смогла отпраздновать вместе с сестрой-близнецом Скарлет.

Проснувшись, я оделась и спустилась из своей спальни на нижний этаж дома моей тетушки Фебы, вдыхая запах жарящегося бекона. Яркое утреннее солнце уже начинало прогревать воздух. Судя по всему, впереди нас всех ждал прекрасный день.

Выйдя с затененной лестницы в залитый светом холл, я сразу же увидела его — белый конверт, лежащий на каменном полу.

В первый момент я подумала, что это еще одна запоздавшая поздравительная открытка к моему дню рождения. Еще одна? Если честно, в этом году я получила единственную поздравительную открытку, и ту от моей тетушки, в доме у которой я сейчас жила. На открытке было написано только мое имя, и от этого у меня сразу защемило сердце.

Итак, я подняла с пола письмо и повертела его в руках.

Скарлет любила присылать мне «секретные послания», но запечатывала письма так небрежно, что вскрыть любое из них не составляло никакого труда — подуй на конверт, он и расклеится. Письмо, которое я подняла с пола, было плотно заклеено, а сверху скреплено еще и сургучной печатью. Адресовано оно было моей тетушке, но я подумала, что следует его открыть. Дело в том, что тетушка Феба нисколько не возражает против того, чтобы я читала ее почту. Скажу больше, это даже необходимо, чтобы я ее читала — если этого не сделать, на столике в прихожей будет пылиться груда невскрытых писем.

Я прошла на кухню, присела на один из расшатанных хлипких стульев. Прежде всего я внимательнее рассмотрела печать на конвер-

те — на черном сургуче отпечталось выпуклое изображение птицы, сидящей на верхушке дуба. Под печатью стоял темный чернильный штамп со словами: «Руквудская школа».

Руквудская школа. Школа, в которой училась Скарлет. Зачем они написали тетушке Фебе?

Я взяла со стола нож для масла и вскрыла конверт.

«Миссис Фебе Грегори
Блэкберд коттедж
Долина Брэмли
30 августа 1935 г.

Уважаемая миссис Грегори,
поскольку Вы являетесь опекуном Айви Грей, я информирую Вас о том, что вследствие неблагоприятных обстоятельств в нашей школе освободилось место, которое может занять Ваша племянница. Деньги за весь предстоящий учебный год перечислены, и Айви должна приступить к занятиям так скоро, как только это будет возможно. За ней будет послана преподавательница, которая заберет Айви и лично посвятит Вас во все детали.

С уважением,
Эдгар Бартоломью, директор школы.

Я отшвырнула письмо так, словно оно обжигало мне пальцы. «Неблагополучные обстоятельства»! Да как они смеют вот так говорить о смерти моей сестры?

Я сидела и смотрела на лежащее у моих ног письмо, а в моей голове один за другим теснились все новые и новые вопросы. Меня хотят принять в Руквудскую школу. Меня, которую провалили на экзаменах в отличие от покойной сестры-близнеца. Почему? Неужели у них нет сотен других девочек, каждая из которых гораздо больше заслуживает места в этой школе, чем я? Наверняка есть. Тогда зачем им я?

Только тут я вдруг почувствовала, что в воздухе пахнет уже не жареным беконом, а пригоревшим. А еще точнее, совсем сгоревшим.

Я вскочила, бросилась к железной печке, на ходу разгоняя едкий дым ладонью. Сковороду с огня я сняла, но было уже поздно — от бекона остались одни угольки.

Очевидно, посреди готовки тетушка Феба унеслась куда-то мыслями, замечталась. Это с ней постоянно случалось, я давно уже и удивляться перестала. Я выглянула в окно кухни и увидела тетушку сидящей на скамейке в нашем садике — руки аккуратно сложены на коленях, голова слегка запрокинута назад, глаза мечтательно смотрят куда-то вдаль. Нет, я никогда не смеялась над тетушкой Фебой, я ее жалела. Муж тетушки погиб во время мировой

войны, оставив после себя лишь набитый книгами кабинет и маленькую пенсию, которую ей назначило за него государство. После гибели мужа тетушка Феба стала словно сама не своя, наверное, слегка умом тронулась.

Я подняла с пола письмо и выскочила во двор. Хотя под моими шагами громко хрустел гравий, которым была посыпана дорожка, даже это не вывело тетушку Фебу из задумчивости. Теперь она смотрела уже не в небо, а внимательно наблюдала за плававшей в маленьком пруду золотой рыбкой. По поверхности пруда разбегались кругами легкие волны, ослепительно блестели на солнце золотистые чешуйки.

— Тетушка Феба?

— А, это ты, Айви, — ответила она и, мельком взглянув на меня, снова уставилась в воду. — Не заметила, что ты здесь, дорогая.

— Вам пришло письмо от... — начала я, но тетушка прервала меня, потому что письмо совершенно ее не волновало:

— Скарлет любила эту рыбку, правда? Я помню, что, когда вы с ней были совсем маленькими, она часто становилась на колени возле пруда и строила гримасы своему отражению. Всегда говорила, что это еще одна ее сестра-близнец, и она даже бóльшая плакса, чем ты, — вон, вся мокрая от слез!

Я грустно улыбнулась. Да, это было совершенно в духе Скарлет, она всегда умела уко-

лоть кого угодно, и меня в первую очередь. Впрочем, я никогда на нее не обижалась. Старалась не обижаться, во всяком случае.

До самых родов мама была уверена, что носит одного ребенка, но вслед за Скарлет на свет неожиданно появилась я — маленькая, слабенькая копия своей сестры. Мы со Скарлет оказались так называемыми зеркальными двойниками. Так, например, у нас были одинаковые родинки на одних и тех же местах, только по разные стороны тела. А еще я была левшой, а Скарлет правшой. Муж тетушки Фебы, доктор Грегори (тот самый, погибший потом на войне), как-то однажды сказал мне, что у нас с сестрой и сердца, наверное, перевернуты в разные стороны. Короче говоря, я была ожившим зеркальным отражением Скарлет.

Я присела на скамейку рядом с тетушкой Фебой. Меня ничуть не удивляло то, что она думает о Скарлет. Моя сестра всегда была любимицей у всех — смелая, решительная, общительная. А я что? Я всегда была просто Айви, застенчивой, робкой занудой Айви. Внешне я была зеркальным отражением Скарлет, но при этом меня с полным основанием можно было назвать и ее тенью.

— Прости, — вздохнула тетушка Феба. — Никак не могу поверить...

— Я понимаю, — сказала я.

Если честно, я и сама не понимала и тоже

не могла поверить в то, что Скарлет умерла. Не понимала, как могла покинуть этот мир моя до краев налитая жизненной энергией сестра. Не понимала, почему Бог, если он есть там, наверху, забрал ее, а не меня, и зачем вообще подарил мне сестру-близнеца, чтобы так быстро разлучить нас навеки?

И вообще, я не понимала, как может существовать после смерти Скарлет весь наш мир, почему он до сих пор не развалился на куски?

— Вам письмо пришло, — повторила я, помахивая в воздухе конвертом.

— А? — очнулась тетушка Феба. — И что в нем пишут?

— Они хотят, чтобы я приехала в Руквудскую школу и заняла место Скарлет.

— Черт побери! — удивленно подняла брови тетушка Феба. — Это большая честь, ведь Руквудская школа — одна из самых престижных в стране, разве не так?

Руквудская школа. Место, где несколько месяцев тому назад, перед самым началом лета, умерла Скарлет. Нам сказали, что это была скоротечная болезнь, то ли грипп, то ли воспаление легких, то есть нечто такое, что ни предвидеть нельзя, ни предотвратить. О смерти сестры мне рассказала моя мачеха, рассказала спокойно, как о чем-то незначительном, а я разрыдалась так, словно рухнул весь окружающий меня мир.

Нет, мне не хотелось ехать в эту школу, какой бы престижной она ни была. Ни сейчас не хотелось туда ехать, ни когда-либо вообще там оказаться.

Я посмотрела на свою тетушку, в ее доброе, обрамленное седеющими прядями лицо.

— Твой отец уже согласился на то, чтобы ты туда переехала? — спросила тетушка.

Я вздохнула. Судя по письму, отец дал свое согласие, даже не поставив меня в известность, и это, к сожалению, очень похоже на него.

— Наверное. В письме сказано, что за меня полностью заплачено за весь учебный год.

— В таком случае это решенный вопрос, моя дорогая, — сказала тетушка Феба.

Я на это ничего не ответила.

— Ладно, посиди тут одна, подумай обо всем, — безмятежно кивнула головой тетушка Феба, поднимаясь на ноги. Затем она направилась прочь, мимо туалета, по садовой дорожке, дошла до грядки с овощами и принялась пропалывать на ней сорняки, негромко напевая что-то себе под нос и вновь улетев мыслями в какие-то иные, известные только ей одной миры.

Я чувствовала себя беспомощной, меня, словно попавшую в водоворот щепку, медленно тянула к себе Руквудская школа, место, которого я никогда не видела, но тем не менее смертельно боялась.

«А может быть, все не так уж плохо, — пы-

талась я убедить саму себя. — Опять-таки новая ступенька в жизни, новые подруги. И, наконец, Скарлет всегда говорила, что была бы рада учиться в этой школе вместе со мной. Приехав туда, я словно бы стану ближе к своей сестре, не так ли?»

И тут я неожиданно разрыдалась, вытирая тыльной стороной ладони текущие по щекам слезы. Кого я пытаюсь обмануть? Саму себя? Ведь меньше всего на свете мне хотелось очутиться в том месте, где Скарлет... При одной мысли о том, что там случилось со Скарлет, у меня темнело в глазах.

Я снова отшвырнула письмо, и на этот раз оно упало в траву.

Тетушка Феба подняла голову, а я свою обхватила ладонями, слушая, как хрустит гравий под ногами тетушки, идущей ко мне с пучком мятых одуванчиков в руке.

— Ах, Скарлет, — сказала она, глядя куда-то поверх моей головы своими пустыми глазами. — Я уверена, что тебе будет хорошо в этой школе. Конечно, я буду ужасно скучать по тебе, но ты же прекрасно справишься со всем сама, разве нет?

Тетушка Феба даже не заметила, что оговорила и назвала меня Скарлет.

А насчет того, что я прекрасно справлюсь со всем сама, у меня были очень большие сомнения.